

Турецкие миссионеры на Северо-Западном Кавказе в 20-е годы XIX века Жане С. Р.

*Жане Саниет Рамазановна / Zhane Saniet Ramazanovna - кандидат исторических наук, доцент,
кафедра экономических, гуманитарных и естественнонаучных дисциплин,
филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
Майкопский государственный технологический университет в поселке Яблоновском, п. Энем, Республика Адыгея*

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные в современном кавказоведении вопросы, связанные с деятельностью турецких миссионеров среди адыгских субэтнических групп Северо-Западного Кавказа в 20-х гг. XIX века. Многочисленные мусульманские эмиссары, выражая интересы Турции на данном этапе, не смогли разрешить ни социально-политические, ни идеологические проблемы в Черкесии. В целом, пропаганда ислама стала одним из многочисленных факторов, усложнявших освободительное движение адыгов в 20-х гг. XIX века.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, субэтнические группы, Черкесия, адыги, турецкие миссионеры, пропаганда ислама, крестьяне, дворяне, народно-освободительное движение.

Северный Кавказ в начале XIX в. занимал важное место в комплексе международных противоречий, получившее название Восточного вопроса. Свои интересы в этом регионе имели ряд западноевропейских государств - в основном, Англия и Франция. Вместе с Турцией, они стремились ограничить продвижение России в таком стратегически важном направлении, как Кавказ. Однако, Османская империя, пережившая к этому времени тяжелый кризис, не могла на равных бороться с Россией за господство на Северном Кавказе. Поэтому, приоритетным направлением ее деятельности становятся различного характера открытые и тайные мероприятия ее многочисленных агентов.

В основе разворачивавшихся военно-политических и социально-экономических процессов в Черкесии в нач. XIX в. лежали стратегические интересы Российской империи в этом регионе и очередная активизация ее колониальной политики на Северном Кавказе с 20-х гг. XIX в.

В результате возникновения угрозы независимости Черкесии, адыги стали разрабатывать многочисленные планы по политическому объединению страны. Но последующие военно-политические процессы показали, что экономическая и территориальная раздробленность, многочисленные феодальные междоусобицы, различный уровень социально-экономического развития и специфика общественно-политического устройства адыгских субэтнических групп тормозили сплочение адыгов в единую государственность [8, с. 16].

Обострение внешнеполитической ситуации вокруг Западного Кавказа и противоречивые внутриполитические процессы в адыгском обществе стали основной причиной отсутствия у последних централизованных, четко ориентированных и эффективных действий по защите своих территорий. Различные политические группировки адыгских субэтнических обществ, исходя из своих интересов, начинают ориентироваться на различные внешнеполитические силы.

Обеспокоенные усилением русского проникновения в Черкесии, Турция в 20-х гг. XIX в. активизирует свои действия. Прикрываясь политикой распространения ислама, она преследовала в Черкесии свои цели. Опорным идеологическим и военно-политическим плацдармом Турции на Черноморском побережье стала крепость Анапа. Именно через анапские власти турки реализуют самые различные мероприятия в попытках сохранения и укрепления своего влияния на Северном Кавказе.

Турецкое правительство, в ходе подготовке к войне с Россией, целенаправленно занялось созданием военного блока из адыгской феодальной знати. С 1821 г. в Анапу назначен Чечен-оглу-Хаги Хасан-паша, в обязанности которого входила пропаганда ислама и укрепления турецкого влияния в Черкесии. С этой целью из Анапы к адыгам была отправлена официальная турецкая миссия в составе пяти чиновников, которые призывали их готовиться к войне. Они обещали поддержать их действия силами регулярных турецких войск [3, л. 21]. Хасан-паша систематически выписывал из Константинополя мулл и кадий для организации судебных учреждений в крае [12, с. 305].

Анапский паша в начале 1821 г. отправляет в горы и к закубанским адыгам своих миссионеров, которые «возмущают черкес, уговаривают их к нападению на русскую границу, а более всего на г. Екатеринодар как главный пункт черноморского населения...» [9, с. 64].

В это же время действия властей кавказской администрации приобретают ярко выраженный военно-колониальный характер. Казачьи отряды Командующего войсками в Черномории генерала Власова начинают совершать карательные экспедиции за Кубань в земли адыгов. По данным архивов, только во время похода 1822 г. ими было истреблено 17 больших и 119 малых аулов со всеми их запасами [5, с. 31].

Данные процессы с тревогой были восприняты адыгами. Фонд 261 Государственного архива Краснодарского края содержит материалы, характеризующие военно-политическую ситуацию в Закубанье в 20-х г. XIX в., отмечая многочисленность состоявшихся собраний у шапсугов по вопросу о дальнейших

действиях, свидетельствующих о переходе адыгов к созданию оборонительных сооружений и объединению своих сил [2, л. 15].

В этих условиях различные социальные структуры адыгского общества начинают уделять больше внимания деятельности западноевропейских и османских миссионеров, надеясь получить от этих государств военно-политическую поддержку в борьбе с колониальной политикой России на Кавказе. Такая сложная политическая обстановка в Черкесии способствовала усилению деятельности Турции в этом регионе.

В данный период проблемы взаимоотношений адыгов с Россией и с Турцией не сходил с повестки дня многочисленных народных съездов в Черкесии. Одним из таких значимых событий стало состоявшееся в 1822 году всеадыгское союзное собрание «Хауо-хясь», на котором было принято решение ввести в судопроизводство адыгов шариат. Однако эти и другие аналогичные решения народных собраний Черкесии так и не были реализованы в полной мере по причине расхождения взглядов многочисленных политических группировок участников съездов.

В условиях сложной внутривнутриполитической ситуации в Черкесии русские войска приступают к проведению карательных экспедиций в земли адыгов. П. П. Короленко писал: «...В продолжение всего почти 1825 г., отряды наши бороздили по за-Кубанскому краю, истребляя аулы враждебных горцев...» [10, с. 35]. Адыги, в ответ на действия царских войск, также совершают организованные ответные нападения на русские военные укрепления и казачьи станицы.

Турция понимала, что ее политика и «власть» над адыгскими народами носила номинальный характер. С 1826 г. она приступает к проведению широкомасштабных мероприятий по усилению своего влияния в Черкесии, чтобы в дальнейшем превратить ее в оплот турецкого господства на Кавказе.

Для реализации своих стратегических задач, в первую очередь, на высокую должность пашы в Анапе был назначен Хаджи-Хасана-оглу, получивший звание сераскира. Паша был наделен чрезвычайными правительственными полномочиями. Он должен был привести к присяге на верность Османской империи все адыгские субэтнические группы и организовать адыгское ополчение для участия в войне с Россией.

Среди адыгов новый турецкий паша начал действовать с привлечения на свою сторону феодальной знати. Хаджи-Хасана-оглу «значительными подарками и обещаниями успел в короткое время привести к присяге многие черкесские племена» [1, с. 874]. Паша гарантировал дальнейшее расширение владельческих прав князей и дворян, что дало ему возможность заручиться поддержкой большей части адыгской знати.

Адыги, принявшие присягу на «верность падишаху», обязывались беспрекословно подчиняться турецким законам и при разборе судебных дел руководствоваться шариатом, а не решениями третейского суда. Вместе с этим, Хассан-паша обложил адыгов податью в размере десятой части собираемого урожая в пользу турецкой казны. Паша возвел наиболее влиятельных князей в звание валиев, которые были подчинены ему. Эти князья, становясь должностными лицами и получая жалованье от турецкого правительства, облакались огромными полномочиями. Для контроля за их деятельностью паша назначил чиновника и взял в аманаты 63 мальчиков [9, с. 67].

Однако, несмотря на все усилия Хаджи-Хасана-оглу, большая часть адыгского крестьянства остались равнодушны к его проповедям. Они не только отказались принести присягу на верность турецкому султану, но и выступили против его внутренней политики.

В августе 1826 г. на состоявшемся очередном собрании шапсугов и натухайцев Хаджи-Хасана-оглу потребовал от них принести присягу и собрать дани для содержания турецкого гарнизона в Анапе. В ответ на эти призывы адыги заявили, что «приняли мусульманство по доброй воле», но никогда никого из чужеземных «не слушались», а потому не позволят, чтобы кто-либо «почитал бы их завоеванными» [14, л. 17-18].

Хаджи-Хасана-оглу после этого неоднократно пытался через местных феодалов подчинить своему влиянию адыгских крестьян. Весной 1827 г. с отрядом турецких войск и ополчением адыгских дворян он двинулся из Анапы в земли натухайцев, чтобы привести их «в повиновение дворянам», однако крестьяне отказались. Тогда между натухайскими дворянами, уже давшими присягу турецкому правительству, и простыми адыгами», «не захотевшими присягнуть», произошло вооруженное столкновение. Хаджи-Хасана-оглу, по свидетельству источников, «устраиваясь с турками в сторону, смотрел только на сие происшествие, не дал как тем, так и другим никакого пособия» [9, с. 68].

От присяги турецкому султану отказались также шапсуги. В мае 1827 г. они блокировали Анапу с суши, заняв все дороги, ведущие к этой крепости и «вооруженной рукою преграждали вход в оную тем горцам, кои шли туда для принятия присяги на подданство турецкому султану». Шапсугам, после вооруженного нападения на турецкий отряд, удалось захватить собранную пашой с адыгов подать в виде десятой части полученного ими хлеба от посевов.

После этих успешных действий, шапсуги отправили к паше своих представителей с заявлением, что «они не признают власти его над ними, пренебрегают его угрозами и не имеют надобности в Анапе, надеясь в других местах найти все то, в чем они нуждаются». Шапсуги «дали одному присягу быть

непоколебимыми в таковой решимости их». Одновременно они решили силой оружия заставить своих дворян свободно пропускать их в Екатеринодарский меновый двор для торгового обмена с русскими [9, с. 69].

Хаджи-Хасан-оглу с начала своей деятельности потребовал от де Скасси, генуэзского коммерсанта, утвержденного царским правительством в 1817 г. в должности попечителя торговли с черкесами и абхазцами, прекратить торговые связи русских с закубанскими адыгами. Эти действия паши вынудили русское правительство предписать своему посланнику в Стамбуле «войти в объяснения с турецким министерством и требовать от Порты... о предписании анапскому паше отнюдь не стеснять торговлю русскую, которая имеет право производить повсюду» [13, л. 1]. Однако, дипломатические переговоры не дали положительных результатов и турецкие власти продолжали организовывать препятствия русско-адыгской торговле.

Турция настойчиво стремилась к подчинению закубанских адыгов своей верховной власти. Не добившись положительных результатов ни убеждениями, ни репрессиями, турецкое правительство становится на путь политической демагогии. Политика эта выразилась в том, что анапский паша от имени султана стал обещать адыгскому крестьянству освобождение от всех феодальных повинностей, которые они несли в пользу своих князей и дворян. И это обещание внесло колебания в среду значительной части крестьянства.

Ущемление владельческих прав знати поставило их в оппозицию к Турции. Это обеспокоило турецкие власти. Они постарались успокоить адыгских князей и дворян, заверив их, что Порта в действительности не только не думает об освобождении крестьян от повинностей в пользу владельцев, но, наоборот, готова предоставить войска в их распоряжение для «наклонения закубанских народов низкого состояния к повиновению дворянству, уклоняющихся от послушания» [4, л. 136].

Однако эта политика одновременного заигрывания с адыгской знатью и крестьянством не дала турецкому правительству ожидаемых результатов. В начале 1828 г. уже новый анапский паша Чатырь-Оглы вынужден был донести своему правительству о том, что заверения Хаджи-Хасана-оглу о приведении в подданство султану «всех горских народов» не соответствуют действительности, так как «большая часть оных не признает над собой власти турок» и готовы «восстать против них» [9, с. 71].

Узнав о готовящейся войне России и Турции в 1827 г. всеадыгское народное собрание решило отправить делегацию старшин во главе с легендарным шапсугским предводителем Бесленей-Абатом в Константинополь. Здесь они просили у турецкого правительства военной помощи против продвижения царских войск на их территории. Получив многочисленные обещания помощи, депутаты вернулись домой.

После этих событий, основываясь на высказанных депутацией просьбах, Турция попыталась через вновь назначенного сераскира в Анапе Хаджи-Гассан-оглы привести адыгов к присяге на верноподданничество Турецкому султану и потребовала от них дани на содержание анапского гарнизона. Действия турок вызвали негодование среди адыгов, которые в очередной раз объявили, что признают султана как преемника халифа, главу магометанской веры, но приносить ему присягу как светскому правителю не намерены.

Очередная русско-турецкая война 1828-1829 гг. завершилась в Адрианополе подписанием мирного договора 1829 г. Относительно Северо-Западного Кавказа в статье 4 было записано: «...весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани св. Николая включительно пребудет в вечном владении Российской империи...» [6, с. 73].

Царское самодержавие расценивало статьи Адрианопольского договора как юридическое основание для присоединения к России земель Северо-Западного Кавказа. Адыгские субэтнические группы, не признававшие ни власти русского императора, ни турецкого султана, трактат, затрагивающий их судьбы и заключенный без их участия, отвергли [11, с. 418].

Победа Российской империи в войне против Османской Турции побудила европейские страны к более активным военно-политическим действиям на Востоке. Так что война 1828-1829 гг. не ликвидировала противоречий держав в Восточном вопросе, а напротив, усложнила их, сделав более трудноразрешимыми. И в сфере этих противоречий мировых держав в начале XIX века оказались адыги со своими внутренними национальными проблемами.

В целом, многочисленные мусульманские эмиссары на Северо-Западном Кавказе, выражая интересы Турции на данном этапе, не смогли разрешить ни социально-политические, ни идеологические проблемы в Черкесии. Пропаганда ислама стала одним из многочисленных факторов, усложнявших и дробивших освободительное движение адыгов в 20-х гг. XIX века [7, с. 205].

Народно-освободительное движение адыгов включало в себя неоднородные социальные потоки, многоплановые требования, носившие антифеодальный и антиколониальный характер. Обусловленное военной политикой царизма, оно проходило под флагом освободительного движения и независимости народов Северо-Западного Кавказа и выходило далеко за рамки религиозной борьбы и исламской доктрины.

Литература

1. АКАК. Т.7.
2. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д.117. - Л. 15.
3. ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 14. - Л.21.
4. ГАКК. Ф. 324. Д. 63. Л. 136.
5. *Дзамихов К. Ф.* Адыги: борьба и изгнание. Нальчик, 2005.
6. Договоры России с Востоком (сборник документов) / Сост. Юзефович Т. Спб., 1869.
7. *Жане С. Р.* Деятельность мусульманских миссионеров на Северо-Западном Кавказе, 20-60-е гг. XIX века // Научная библиотека диссертаций и авторефератов. Режим доступа: disserCat <http://www.dissercat.com/>
8. *Жане С. Р.* К вопросу о численности адыгов Северо-Западного Кавказа в первой половине XIX века. Учебно-методический журнал «Вестник науки и образования». Москва. Стр. 15-21.
9. *Касумов А. Х., Касумов Х. А.* Геноцид адыгов. Нальчик: Логос, 1992. 199 с.
10. *Короленко П. П.* Записки о черкесах: Материалы по истории Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1908. Т. 14.
11. *Маркс К.* Лорд Пальмерстон // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9.
12. Очерки истории Адыгеи. Майкоп. Т. 1, 1957.
13. РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 45. Л. 1.
14. РГВИА. Ф. 548. Оп. 2. Д. 34. Л. 17-18.